

Ночь жестоких допросов принесла свои плоды: Сюэ Шу развязал пленнику язык. Впрочем, выведать что-либо существенное не удалось — тот оказался лишь мелкой сошкой во всей этой затее, пешкой, получившей приказ в канун Нового года заманить лису-оборотня в павильон Хуанцзи.

О большем пленник не ведал. Удалось установить лишь одно: весть им передал кто-то из приближенных даоса Ванчэня.

Это подтверждало догадки Сюэ Шу.

Не вмешайся он прошлой ночью, появление лисы-оборотня посеяло бы панику, и больше всех от этого выиграл бы именно даос Ванчэнь.

Павильон Хуанцзи располагался в южной части дворцового комплекса, а Драгоценный павильон Сюаньцун, где обитал даос Ванчэнь, — к северо-востоку от дворца князя Янь. События той ночи развивались стремительно. Император Лунфэн в суматохе велел позвать даоса, но во дворце запрещено передвигаться верхом. Путь туда и обратно занял бы не меньше двух кэ — получаса.

Однако даос Ванчэнь явился той ночью с безупречностью в одеянии и полным спокойствием на лице — само воплощение святости и невозмутимости. Очевидно, он был готов заранее.

Определившись с главным подозреваемым, Сюэ Шу снова направился во дворец Цыцин — просить людей у Чжао Линя.

Чжао Линь, только что заступивший на дежурство, обходил с дозором Восточный дворец во главе отряда стражи. Увидев приближающегося Сюэ Шу, от которого за версту несло кровью, он оторопел, на лице отразились изумление и тревога:

— Ты это?..

— Допрос окончен, — бросил Сюэ Шу. — Дай мне отряд. Нужно взять одного человека, пока не сбежал. — В общении с теми, кто ему не нравился, Сюэ Шу никогда не отличался терпением, и тон его был резок.

Чжао Линь хотел было спросить, как удалось так быстро завершить допрос, но тут же сообразил: судя по густому запаху крови, исходящему от Сюэ Шу, без жестоких пыток явно не обошлось.

Его первое впечатление о Сюэ Шу оказалось верным.

— Чтобы задействовать стражу Восточного дворца, мне нужно получить дозволение Его Высочества, — ответил Чжао Линь. Он служил тому же господину и не собирался чинить

препятствий. Вполне добродушно он добавил: — Его Высочество уже не поживает. Если спешишь, можем отправиться к нему вместе.

Сюэ Шу было поддался, но тут же вспомнил о ночном допросе. Его одежда была пропитана кровью и грязью. Предстать в таком виде перед кем-то другим — куда ни шло, но только не перед Его Высочеством. Не хватало еще напугать его.

Такому человеку место на недостижимой высоте, в безупречной чистоте.

Он покачал головой и передал Чжао Линю протокол допроса с показаниями подозреваемого:

— Я подожду здесь.

Чжао Линь не стал настаивать и поспешил к Инь Чэньюю.

Инь Чэньюй как раз завершил утреннюю трапезу и теперь читал в зале Хунжэнь. Выслушав доклад Чжао Линя, он распахнул окно и бросил взгляд вдаль, но сумел различить лишь смутный силуэт.

— Не нужно брать людей из Восточного дворца, — распорядился Инь Чэньюй. — Передай Гун Хунфэю... пусть он и дальше соперничает с Восточным и Западным департаментами, это его дело, но пусть не мешает расследованию, порученному Его Величеством. Вели ему выделить отряд офицеров-сяовэев в распоряжение Сюэ Шу.

Чжао Линь повинился и быстро удалился.

Глядя из окна, Инь Чэньюй увидел, как Чжао Линь переговорил с Сюэ Шу, после чего они вместе покинули дворец через ворота Цыцин — вероятно, отправились к Гун Хунфэю за людьми.

Наследный принц тихо хмыкнул и подозвал Чжэн Добао:

— Позавчера я велел тебе пригласить императорского врача осмотреть рану Сюэ Шу. Что сказал лекарь?

Чжэн Добао слегка опешил, не понимая, с чего Его Высочество вдруг вспомнил об этом, но все же подробно отчитался:

— Когда императорский врач Лю прибыл, господин Сюэ уже сам обработал и перевязал рану. Однако этот слуга настоял, чтобы лекарь Лю все же провел осмотр. Рана была длиной с ладонь, но кости и сухожилия не задеты. Лекарь Лю заново зашил ее и наложил лекарство. Сказал, что все заживет через полмесяца.

Услышав про полмесяца, Инь Чэньюй невольно нахмурился, но тут же одернул себя: Сюэ Шу сам себя не бережет, так с какой стати он, Инь Чэньюй, должен попусту беспокоиться? Право, от нечего делать.

Этот Сюэ Шу — не только кремень по натуре, но и невероятно живуч.

В прошлой жизни Инь Чэньюй видел старые шрамы, покрывавшие грудь евнуха вдоль и поперек. Один из них проходил у самого сердца — в смертельно опасном месте. И что же? Разве Сюэ Шу не выжил? Еще как выжил — чтобы и дальше его мучить!

Говорят, дурная трава и в огне не горит. Жизнь Сюэ Шу наверняка окажется куда дольше его собственной.

Получив двадцать офицеров-сяовэев из Императорской гвардии, Сюэ Шу направился напрямиком к Драгоценному павильону Сюаньцюн.

Павильон Сюаньцюн располагался к востоку от Восточных Шести дворцов. Все мудрецы, недавно приглашенные императором Лунфэном, размещались здесь. Обычно, если только их не призывал сам император, даосы проводили дни в служении своему духовному Основателю. Редкие посетители заглядывали сюда, отчего павильон казался несколько заброшенным.

Но сегодня в павильоне Сюаньцюн царила подозрительная тишина.

Сюэ Шу приказал своим людям охранять все выходы из павильона, а сам с несколькими сяовэями направился к покоям даоса Ванчэня.

Он уже собирался постучать, как вдруг его ноздри уловили едва различимый запах крови. Глаза Сюэ Шу сузились. Одним ударом ноги он вышиб дверь и первым ворвался внутрь...

Прямо у входа в главный зал, в лужах крови, лежали два даоса с пронзенными грудными клетками. Кровавый след тянулся от них вглубь покоев. Сюэ Шу проследил его и увидел раскачивающееся под потолочной балкой тело.

Это был даос Ванчэнь.

Глядя на все еще раскачивающееся тело, Сюэ Шу резко повернул голову к полуоткрытому окну. Мгновенно выпрыгнув наружу, он бросился в погоню, но опоздал — успел заметить лишь мелькнувшую вдалеке темную тень, и тут же след простыл.

Поняв, что преследование бесполезно, Сюэ Шу с мрачным лицом вернулся в покои.

Тело даоса Ванчэня уже сняли с балки. Один из сопровождавших его гвардейцев предположил:

— Похоже на внутреннюю распрю. А после он, видимо, испугался наказания и покончил с собой.

Сюэ Шу не проронил ни слова. Он обошел тело кругом, затем его взгляд сверкнул. Он приказал остальным:

— Выйдите и ждите снаружи.

Гвардейцы не поняли причины приказа, но командовал здесь Сюэ Шу, и им пришлось повиноваться.

Отослав гвардейцев, Сюэ Шу опустился на корточки и осторожно ощупал горло даоса Ванчэня. Пальцы наткнулись на странное уплотнение.

Слегка прищурившись, он просунул пальцы в гортань мертвеца и извлек небольшой восковой шарик.

Похоже, даос Ванчэнь понял, что его дни сочтены, и попытался спрятать при себе нечто ценное. Вероятно, он не ожидал, что убийца нагрянет так скоро. В спешке даос попытался проглотить восковой шарик, но в панике подавился. Убийца же задушил его, обставив все как самоубийство, а шарик так и застрял в пищеводе.

Не заметь Сюэ Шу, что тело все еще раскачивается, и не догадайся он, что убийца ушел совсем недавно, эта деталь осталась бы незамеченной.

Сюэ Шу осторожно разломил восковой шарик. Внутри оказалась половина листа с печатью — бумажная часть соляного разрешения, иньчжи.

Торговцам солью в Великой Янь для продажи государственной соли требовалось такое разрешение — Сюэ Шу прежде видел подобные бумаги у солепромышленников. Каждое разрешение имело уникальный номер и состояло из двух частей, на которых указывались количество и цена товара. После заверения печатью бумагу разрезали пополам: передняя часть, «иньгэнь», оставалась для архива, а задняя, «иньчжи», выдавалась торговцу в качестве удостоверения.

Сама по себе иньчжи, спрятанная в шарике, ничем не примечательна. Но то, как тщательно даос Ванчэнь ее скрывал, доказывало: эта бумага не так проста, как кажется.

К тому же, откуда у даоса разрешение на торговлю солью? Это было крайне подозрительно.

Сюэ Шу бережно спрятал иньчжи и только потом позвал гвардейцев, чтобы те убрали тела.

Теперь имелись и показания пленника, и «самоубийство» даоса Ванчэня, совершенное из страха перед наказанием. Дело о лисе-оборотне можно было считать закрытым. Однако Сюэ Шу не спешил докладывать императору Лунфэну о завершении миссии.

Интуиция подсказывала ему, что смерть даоса Ванчэня не так проста, как кажется на первый взгляд.

В тот день Сюэ Шу уже второй раз просил аудиенции во дворце Цыцин. Но на этот раз он предварительно заехал в Западный департамент и переоделся в чистое.

Когда Чжэн Добао проводил его внутрь, Инь Чэньюй находился в теплом павильоне и любовался снегопадом за окном. Перед ним на маленькой жаровне из красной глины готовился чай. Вьющийся над жаровней пар окрасил легким румянцем его белоснежное лицо, отчего наследный принц казался еще прекраснее.

— Что еще? — Инь Чэньюй мельком взглянул на вошедшего и снова вернулся к своему занятию — приготовлению чая.

Наследный принц, очевидно, был в хорошем настроении, в его облике сквозила расслабленность. В его необычно мягком голосе слышались нотки фамильярности, свойственные лишь тем, кто провел вместе долгие годы.

Взгляд Сюэ Шу на мгновение задержался на тонких бледных пальцах наследного принца, сжимавших ручку чайника. Лишь затем он протянул иньчжи:

— Даоса Ванчэня убили. Я нашел вот это.

— Что это? — Наследный принц небрежно взял бумагу, но, взглядевшись, замер. Кончик его брови изумленно пополз вверх. — Соляное разрешение?

Лицо его постепенно стало серьезным. Он выпрямился и долго внимательно разглядывал ветхую бумагу. Наконец, словно что-то осознав, он внезапно улыбнулся.

Спрятав иньчжи, Инь Чэньюй взглянул на Сюэ Шу с редкой теплотой:

— Отличная работа. Ты сослужил мне великую службу.

В прошлой жизни его старший дядя по материнской линии, Юй Чэнь, был втянут в дело о коррупции, и падение семьи Юй началось именно с этих соляных разрешений.

Прежде он полагал, что это была ловушка, специально подстроенная для семьи Юй. Но теперь казалось вероятнее, что, когда заговор раскрылся, истинный виновник просто перевел стрелки на дядю, воспользовавшись ситуацией.

Сюэ Шу не знал, кто стоял за даосом Ванчэнем, но Инь Чэньюй, переживший прошлую жизнь, знал это наверняка.

Это был его третий младший брат, Инь Чэнцзин.

Не считая еще не родившегося Инь Чэньяо, у императора Лунфэна на данный момент было четверо сыновей и одна дочь.

Второй принц, Инь Чэнчжан, сын благородной наложницы Вэнь, всегда вел себя вызывающе, и его пороки были у всех на виду. Третий принц, Инь Чэнцзин, сын наложницы Дэ, отличался необузданным нравом, любил чувственные удовольствия и содержал при себе труппу актеров. Он делал вид, что трон его не интересует, но втайне давно строил козни. Что до четвертого принца, Инь Чэнсюя, то ему едва исполнилось десять, и он пока не проявлял никаких амбиций.

Даос Ванчэнь служил Инь Чэнцзину. Теперь же всплыли эти соляные разрешения... Значит, дело о хищениях при торговле государственной солью из прошлой жизни несомненно было связано с третьим принцем, а дядя Юй Чэнь оказался всего лишь козлом отпущения.

Инь Чэньюй, опустив глаза, погрузился в раздумья. Через мгновение он подозвал Чжао Линя и приказал:

— Разузнай о происхождении даоса Ванчэня. — Помолчав немного, он добавил: — А заодно проверь и того ученого по фамилии Чжао, чья семья была истреблена лисой-оборотнем.

Ему казалось, что все эти события неразрывно связаны между собой.

Когда Чжао Линь, приняв приказ, удалился, Инь Чэньюй снова посмотрел на Сюэ Шу. Глаза его смеялись — принц явно был в превосходном настроении. — Какую награду желаешь?

Договорив, он заметил на столе перед собой сладость «Усы дракона» и небрежно добавил:

— Мы помним, ты тоже любишь "Усы дракона". Пожалуем их тебе. — Он слегка кивнул подбородком, и Чжэн Добао, поняв намек, поставил блюдце с нетронутым лакомством перед Сюэ Шу.

Сюэ Шу поморщился, но после недолгого колебания все же взял кусочек и отправил в рот. Почти не жуя, он проглотил его.

Он никогда не любил сладкое, и приторные «Усы дракона» показались ему невыносимо тошнотворными.

Инь Чэньюй заметил выражение его лица и удивленно спросил:

— Тебе не нравится?

Сюэ Шу поколебался — он опасался, что наследный принц заставит его съесть еще, — но все же признался:

— Я не люблю сладкое.

Инь Чэньюй слегка опешил. Он помнил, что Сюэ Шу любит «Усы дракона», потому что однажды, когда они с Се Юньчуанем играли в го, с малой кухни как раз принесли это лакомство. Се Юньчуань, как и сам принц, был сладкоежкой, так что Инь Чэньюй заодно угостил и его. Каким-то образом об этом прознал Сюэ Шу. Той же ночью, дважды измучив принца, он едко заметил: «Этот слуга тоже любит "Усы дракона", так почему же он не удостоился угощения? О всяких посторонних Его Высочество очень даже заботится».

Инь Чэньюй тогда разозлился и, желая отомстить, велел малой кухне каждый день отправлять Сюэ Шу блюдо «Усов дракона».

От такого приторного лакомства, если есть его каждый день, кого угодно стошнит.

Поначалу Сюэ Шу ел их каждый день, но потом, видимо, лакомство ему приелось, и он отказался. После нескольких колкостей со стороны Инь Чэньюя евнух пришел в ярость от унижения и принялся нарочно мучить принца, раскрошив несъеденные «Усы дракона» и рассыпав их по его телу.

После нескольких таких столкновений, от которых страдали оба, Инь Чэньюй перестал посылать Сюэ Шу «Усы дракона».

А теперь Сюэ Шу говорит, что вообще не любит сладкого!

Инь Чэньюй немного подумал и все понял. Какие там «Усы дракона»! Это был лишь очередной предлог, найденный Сюэ Шу, чтобы его помучить.

Он холодно усмехнулся:

— Не любишь — не ешь. Чжэн Добао, унеси и выброси.

Неожиданная вспышка гнева застала врасплох и Чжэн Добао, и Сюэ Шу — оба опешили.

Чжэн Добао, конечно, не посмел ослушаться. Он взял блюдо и уже собрался унести его.

Но Сюэ Шу, увидев, как гневно сверкают глаза принца, тут же остановил Чжэн Добао и выхватил у него блюдо. Он не понимал, почему его нелюбовь к «Усам дракона» вызвала такое недовольство, но действовал инстинктивно.

— Я съем.

Один взгляд на лицо Сюэ Шу воскрешал в памяти Инь Чэньюя все прошлые обиды, и гнев разгорался в нем все сильнее. Он снова холодно усмехнулся:

— Если бы не твоя сегодняшняя заслуга, отведал бы ты сейчас не "Усов дракона", а палок!

С этими словами он смерил Сюэ Шу яростным взглядом и, картинно взмахнув рукавом, удалился.

Чжэн Добао никогда прежде не видел наследного принца в таком гневе. На мгновение лишившись дара речи, он поспешил следом.

Сюэ Шу остался один в теплом павильоне, держа в руках блюдо с «Усами дракона».

Он с сомнением взял еще один кусочек, надкусил, но тут же снова поморщился и опустил руку. Слишком сладко.

Но раз Его Высочеству нравится, значит, и он сможет полюбить.

Примечание автора:

Пёсик: Почему Его Высочество опять сердится?

Его Высочество: Себя спроси :)

Пёсик: ?

<http://bllate.org/book/13382/1190725>